

Вина

Лурия Марго

Марго Лурия Вина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69659353

SelfPub; 2023

Аннотация

Что есть вина, насколько сильно она может преследовать человека и какие тайны сокрыты в памяти?

Марго Лурия

Вина

Проснувшись утром, первым делом, по обыкновению, я зажёг лампу над столом, дабы проверить свои записи, что не давали мне покоя последние несколько месяцев. Никогда бы не подумал, что стану таким нервным из-за чьего-то мнения, но диссертация была трудом всей моей жизни, и защитить её предстояло именно сегодня, перед высшими умами моего скромного суждения.

Я позавтракал, не торопясь, но скудно, чтобы от волнения не представить комиссии вместо работы содержимое желудка. Зная всё наизусть, я бегло перебирал листки с пометками, боясь что-то оставить. Папка, которую я собирал уже в восьмой раз, слегка потёрлась, но функцию свою выполняла, и я, закинув её в портфель, глотнул чай, поправил галстук и, выдохнув, пожелал своему отражению удачи.

Погода сегодня была ветреная, а люди вокруг казались одной большой шуткой, что как назло суетились и тормозили прямо передо мной, не давая прохода. Я никогда не опаздывал, как и в этот день, но именно сегодня меня безумно раздражала невнимательность и глупость толпы. Как только прибыл поезд, сердце кольнуло странное чувство тревоги. Голова закружилась, ладони вспотели, а дыхание стало сбивчивым и трудным. Двери поезда закрылись, после чего

вагоны стали мелькать перед глазами, а я, оставшись на перроне, присел на скамейку, пытаясь перевести дыхание.

Я всегда был внимателен и пунктуален это было моим преимуществом, а все работы неизбежно увенчивались успехом, я мог дать себе немного времени, чтобы отдышаться и двинуться дальше, никто бы не осудил. Я закрыл глаза, и постепенно головокружение спало, дыхание выровнялось, хоть сердце и не унималось, я стиснул портфель с драгоценными бумагами и стал дожидаться следующего поезда.

Моё внимание спустя мгновение привлекла девушка, в белом лёгком платье по фигуре, она стояла ко мне спиной у самого края платформы, и я заметил, как её опущенные плечи слегка дрожат. Я улыбнулся, размышляя о душевных муках, так свойственных молодым особам, что и не заметил, как волнение отступило, и я даже на пару минут забыл о предстоящем мероприятии.

Окинув взглядом платформу, озадачился, на ней совсем не было людей, кроме нас с девушкой, и, хотя основной поток обычно начинался позже, тем не менее, это было довольно странно. Я взволнованно озирался по сторонам в попытке отыскать ответ на вопрос, но поймал лишь холодок, стремительно пронёсшийся по телу. Вздогнув будто отгоняя озноб, я снова посмотрел на девушку, но её уже и след простыл.

«Как жаль...» – подумал я, ведь она отгоняла от меня дурные мысли.

Я смотрел на место, где она стояла, словно ещё можно было разглядеть её силуэт, и не мог понять, что за пятно виднелось у самого края. Я поднял очки и прищурился, а затем, не сумев побороть любопытство, встал и направился к нему. На середине пути я ясно увидел, это был платок, что, она по видимому, выронила.

«Куда же девушка умчалась так стремительно?» – произнёс я одними губами.

Я подошёл ближе к краю и увидел лежащую без сознания девушку на путях, у неё из головы и из носа текла кровь. Я неосознанно поднял платок, на котором виднелась пара красных капель, и, стиснув кулаки, в панике заметался по платформе.

Вокруг не было ни души, я кричал : «Помогите!» но вокзал будто вымер.

«Помогите!»

Шум приближающегося поезда заставил меня резко обернуться. Девушка была тяжела для моих убогих мускул, а платформа слишком высокой. Я хотел крикнуть ей, чтобы она очнулась, но, когда открыл рот, не издал ни звука, словно забыл, как говорить. Паника подступила к горлу, а живот скрутило, взгляд метался от девушки к приближающемуся поезду, и его огни, словно глаза демона, заставили меня застыть в животном страхе, а потом бежать со всех ног.

Неминуемая катастрофа случайное стечение, и я лишь маленькая пешка, неспособная ни на что повлиять, мне бы-

ло страшно даже становиться её свидетелем. Я сбежал, как трус, так стремительно, что забыл портфель на лавочке. Не знал, куда бегу, пока ноги сами не привели обратно в родные стены. Заперев дверь, я упал на пол, заметив, что в кулаке всё это время был стиснут кусок ткани. Пара капель крови на чёрно-белом платке сжали в тиски лёгкие, отчего я стал задыхаться. Я прижал платок к лицу, пытаюсь вдохнуть её запах, но лишь испачкал его слезами.

Я мог помочь ей, спасти, или хотя бы попытаться, но всё, что смог это поддаться инстинкту, как зверёк перед хищником. Что, если помочь ей уже было нельзя, она истекала кровью, у неё случился припадок, и она умерла мгновенно, если бы я стал вытаскивать её, то, скорее всего, сам бы пострадал, и за что, ради спасения того, кому уже не помочь? Это безрассудство! Разве нет?

А что, если она всего лишь поскользнулась, ей стало дурно, и она от недостатка воздуха упала, потеряв сознание, тогда она была жива, но смог ли бы я помочь ей, не навредив себе? Всё так дурно звучит, и мне тошно от своих же мыслей, я глупец или жалкий трус? Разве мы не должны помогать друг другу, но обязаны ли?

Должен ли я был дожидаться исхода, но это выше моих сил. Машинист не мог успеть затормозить, даже если бы я стал махать ему как полоумный, но стал бы спрашивать с меня за её не спасение.

Какой же стыд, так беспокоится о себе, когда девушка

умерла...

А она умерла...?

Платок в руке стал мокрым и грязным, но я никак не мог разжать кулак, словно какой-то спазм поразил моё тело, на ломанных ногах я проковылял на кухню, к телевизору, попутно сшибая тумбочки и двери. Её силуэт застилал пеленой глаза, я почти ничего не видел, щеки щипали от пота и слез, меня тошнило, голова раскалывалась, я попытался нажать на кнопку пульта, но руки не поддавались, он выпрыгнул куда-то и исчез. Попытавшись приземлиться на стул, я промахнулся и упал на пол. Меня скрутили судороги, словно от холода, и, перестав сопротивляться, я свернулся калачиком под столом.

Я не видел её лица... Пожалуй, это было важно, но я не мог точно определить, почему. Я не мог ей помочь, но означает ли это, что именно я погубил её? Бездействие – это убийство? Или лишь пособничество ему? Лицо и уши горели от стыда, я точно знал, они меня отыщут и будут обвинять во всем, что случилось. Её платок стал обжигать руку так сильно, что я уже не мог держать его, он будто тлел или таял как воск. Стены кухни залило кровью, внезапно стало темно, словно солнце лопнуло как шарик. Во рту пересохло, а недостаток завтрака сказывался болью в желудке, казалось, прошло несколько дней.

Когда я очнулся, всё вокруг было таким, обычным, ни кровавых стен, ни перевернутой мебели, ни смердящей тем-

ноты. Моё лицо напоминало опухшую посмертную маску, на которой не читалось ничего, кроме застывших огоний горя, а кулаки все ещё, не поддававшиеся воле, ныли от перенапряжения.

«Платок» – возникло в голове.

Я стал искать кусочек ткани, но не нашёл, он будто и правда истлел. А что, если всё это мне просто примерещилось? Я мог словить нервный срыв от волнения и потерять контроль над своей головой, конечно, это ненормально, но исправимо.

Надежда, поселившаяся в мыслях, внезапно отрезвила меня, и приведя себя в порядок, я не стал узнавать, какой сейчас день, сколько я пропустил, и что мне за это будет, я побрёл на станцию в поисках своего портфеля. Чтобы ни случилось, я был уверен, что смогу это преодолеть и вернуться к привычному распорядку.

На станции былолюдно, как всегда в это время, отчего я лишь укрепился в мысли, что всё случившееся лишь плод моего воображения. Главное, чтобы я не напугал никого и не навредил в таком состоянии, но судя по тому, что никто в меня пальцем не тыкает, волноваться не о чём.

Портфель, как ни странно, лежал там, где я его оставил, а люди вокруг на него даже не косились. На платформе и вокруг неё я не обнаружил ни следа возможного происшествия, выдохнул и, обняв портфель, зашагал в институт.

Я выглядел уставшим и побитым, хоть и привёл себя в порядок, но сколько это было возможно. Комиссия сочла мой

внешний вид оправдывающим отсутствие и дала отсрочку в пару недель, несмотря на мои заверения, что я в порядке, и вполне в состоянии защититься хоть сейчас. Вероятно, напор, с которым я произносил слова, не внушал доверия, и мне пришлось незамедлительно покинуть институт, дабы не стать сумасшедшим.

Ладони дико ныли, но я все равно стиснул портфель, опасаясь снова его потерять. На улице дул прохладный ветер, я повернул голову по его направлению и увидел девушку. Её стройный силуэт стоял спиной ко мне на другом конце улицы, а белое платье слегка подрагивало на ветру. Приглядевшись, я разглядел пятна крови на подоле, и девушка стала медленно поворачиваться ко мне. Сердце заколотилось от ужаса, ладони вспотели, отчего портфель стал выскальзывать из рук, я сжал его сильнее, глаза заныли, а на очках проявились капли. Я не мог пошевелиться, ноги будто прилипли к земле, а во рту ощутился привкус железа. Девушка в белом почти обернулась, я почти увидел её лицо, но в последний момент проехала машина, и её силуэт разлетелся на тысячи кусочков плоти и крови, оставляя на дороге и стенах вокруг брызги и разводы, а на прохожих грязные пятна.

Кажется, никто не заметил ни её конец, ни моего испуга, толпа сонных горожан брели одной массой, не поднимая голов, лишь иногда останавливаясь на светофорах и остановках. Я смог двигаться прежде, чем почувствовал тошноту, а посему не задел никого и совершил извержение в урну.

Я бежал со всех ног к ближайшему аптечному пункту и долго мучил фармацевта, вынуждая выдать мне что-нибудь от галлюцинаций и бреда при перенапряжении. Она продала успокоительное и снотворное, и я вновь закрылся ото всех в своей квартире. Я принял сразу несколько таблеток, игнорируя инструкцию, и попытался уснуть, но отравление от передозировки на голодный желудок заставили меня очнуться.

Я не хотел есть и уже не хотел спать, я плакал от страха и немощи, жалея себя, что так мучился от терний судьбы. Вдруг мне стало одиноко, впервые за столько лет я пожалел, что остался один, и не могу поделиться болью и мыслями, скопившимися за всю жизнь. Я мог говорить, мог кричать и злиться, но сидел на кухне и молча плакал.

Включив телевизор, как делал всегда, чтобы не было тоскливо, наткнулся на новостной репортаж с вокзала, я сразу понял, о чём он, но долго не двигался, стараясь как можно внимательней вслушаться. На кадрах была та самая девушка с платформы, было видно, как она теряет сознание и падает на пути, пропадая из поля зрения камеры, и как поезд, не в силах остановится, проезжает по ней. На запись не попал ни я, ни её платок, а диктор сказал о несчастной смерти молодой студентки. Я ждал и ждал, когда покажут её лицо, плевать на имя, я должен был увидеть её лицо, но репортаж закончился, сменившись прогнозом погоды, где красивая девушка с улыбкой вещала о привычных и незаменимых ритуалах в период дождей.

«Платок...» – снова послышался голос.

Я перевернул стол и стал ковырять плитку, что не поддавалась на мои манипуляции. Тогда я стал бить по ней молотком для мяса, отрывая куски треснувшей керамики.

«Он должен быть здесь!» твердил я себе, почти крича.

Но разобрав весь пол, я не нашёл ни следа этой проклятой ткани, словно черти смеялись надо мной. Я не попал на запись, но точно помнил, как взял платок, всё ещё ощущая его ожёг на ладони. Как понять, что было, а чего не было?

Я вспомнил, что ни разу не ел, хотя прошло много времени, чувство голода затмили страх и стыд, я попытался поест, но меня выворачивало каждый раз, стоило пищи попасть на язык. Вокруг витала духота, я не чувствовал запахов, лишь привкус желчи и головную боль. Обессилив, я упал на колени и закрыл глаза, вряд ли в них есть смысл, если они врут мне.

Спустя время я услышал лёгкое стрекотание в воздухе, будто он завибрировал. Сжимая веки как можно сильнее, лишь бы не видеть то, как мой разум снова меня обманывает, я взмолился ко всем высшим и темным силам о прощении и сострадании. Демоны, что терзали мою душу, запели, пол начал трястись, и я упёрся руками в стены в узком коридоре. Когда тряска затихла, меня кто-то окликнул за спиной странным голосом, ни мужским, ни женским, растерявшись, я обернулся, но глаза приоткрыл не сразу.

– Так и будешь прятаться под вЕками? – спросил голос.

Я распахнул глаза и ужаснулся, нечто бестелесное и бесформенное возвышалось надо мной, взирая тысячей пронзительных глаз.

– Твои муки не принесут покоя.

– Шутишь? – голос дрожал, но я, противясь ему, продолжал. – Я умер? Как?

– Тебя сбила машина.

– Когда? Когда я бежал со станции?

– Нет, это случилось через много лет после. Ты вышел с вокзала и поехал на такси, защитил диссертацию и много лет работал в институте.

Невероятно... Всё было именно так, как оно сказало. Внезапно голова перестала болеть, а разум прояснился, я помнил всё: своё рождение, жизнь и смерть, машину, крик и пелену. Я видел гибель девушки и не помог ей, боясь опоздать и потерять свой шанс на успех, отгоняя всякую мысль о ней и свою вину.

– Тогда почему я помнил лишь это?

– Вероятно, тебя это гложет. В жизни мы не всегда честны, даже сами с собой, и порой забываем об истинных мыслях. Воспоминания путаются и исчезают, чувства притупляются, а желания перестают представлять ценность. Но, как ни странно, именно об этом думают все, когда приходит время. О сожалениях. И только тогда ты честен, когда шанса уже нет.

Я не подобрал платок тогда, но навсегда забрал его в свои

мысли. Я хотел увидеть её лицо, но не мог и потому создал её частичку. Как будто легче, когда видишь лицо, знаешь и помнишь, а может и не легче. Может, мы специально вызываем боль, чтобы было чем себя оправдать.

– Боже... Я не хочу умирать... – холодный воздух обдувал мои щеки, стирая слёзы.

– Никто не хочет. Никто не жалеет о рождении, но все жалеют о смерти. А неизменно как то, так и другое.

Его сияние окутало меня, словно объятия матери, тёплые и спокойные. Я мог отвлечься от боли и простить себя, но...

– Я отправлюсь в ад? – почти шёпотом поинтересовался я.

– Ты уже тут. В своём, персональном.